Непобежденная. Ты забрал мою невинность и свободу, но я всегда была сильнее тебя

Автор:
Катя Графф

Непобежденная. Ты забрал мою невинность и свободу, но я всегда была сильнее тебя

Карстэн Графф

Катя Мартынова

Замок из стекла. Книги о сильных людях и удивительных судьбах

2004 год. Маленький российский городок Скопин живет своей обычной жизнью. Но 24 апреля происходит чудо. В одном из дворов в стене гаража на уровне земли медленно и осторожно сдвигается металлическая пластина, скрывающая проход. Из него появляется мужчина лет пятидесяти, в поношенных черных брюках и рубашке. За ним угловатая, бледная девочка-подросток. Она щурится от света и ждет указаний мужчины. Спустя полтора часа она вновь вернется в погреб под гаражом, где уже провела больше 3 лет. Но в этот раз она будет улыбаться, потому что впервые у нее появился шанс спастись.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Карстэн Графф

Непобежденная. Ты забрал мою невинность и свободу, но я всегда была сильнее тебя

Katya Martynova & Taboo Philosopher Carsten Graff

TRUE SURVIVOR

Copyright © Carsten Graff

© Новикова Т., перевод на русский язык, 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Книга посвящается матери Кати

Более трех с половиной лет страдая от невыносимой боли, она не теряла надежды найти свою дочь живой

Хочу особо поблагодарить российского журналиста Рустема Сафронова, который помог мне связаться с Катей, а также помогал в процессе общения с Виктором Моховым. Без помощи писателя Дэвида Керанса мне было бы очень сложно путешествовать по России. Я бесконечно благодарен литературному агенту и PR-консультанту Яне Максимочкиной-Лэнгли за ее бесценную помощь в публикации этой книги. Особую благодарность хотелось бы выразить бывшему следователю рязанской прокуратуры Дмитрию Плоткину за ценнейшую информацию и организацию посещения места преступления.

Предисловие от автора

Эта книга повествует о поразительном психологическом путешествии в мир сексуального преступления, которое произошло в России. После чудесного освобождения жертв в 2004 году эта история облетела свет. В марте 2021 года преступник выйдет из тюрьмы, и о тех страшных событиях вновь вспомнят на страницах газет всего мира. В этой книге я рассказываю подлинную историю Кати Мартыновой, оказавшейся в сексуальном рабстве у внешне порядочного и благополучного мужчины.

Виктор Мохов похитил Катю и ее подругу Лену, когда девочкам было 14 лет и 17 лет соответственно, и удерживал их в крохотной подземной камере под своим гаражом. Катя и Лена подвергались истязаниям, Мохов травил их слезоточивым газом, морил голодом и более тысячи раз насиловал. Кате дважды пришлось принимать роды: в этих чудовищных условиях Лена родила двоих детей. К родам девушки готовились по книгам – их девушкам принес Мохов.

Почти четыре месяца я переписывался в социальных сетях с Виктором Моховым, он выходил под чужим именем и прятал телефон в своей тюремной камере. Виктор настаивал на своей невиновности. Мне стало ясно, что я не могу показать историю правдивой, используя только его слова, она скорее служит иллюстрацией образа мыслей маньяка. Я сверял его рассказ с фактами, которые получил от следователя, от Кати и из прессы. Кроме того, у меня был доступ к письмам Виктора своей матери, дневнику допроса в милиции, списку вещей, которые следователь обнаружил и изъял у Виктора.

Предисловие от психотерапевта

Удивительная история, страшная и пугающая, от нее стынет кровь в жилах. Но в то же время начинаешь ловить себя на мысли о невероятной стойкости и необычайных компенсаторных возможностях человеческой психики. В подростковом возрасте она совсем еще неокрепшая и не прошла еще ряд важных этапов, но благодаря вере и любви все возможно, даже, казалось бы, самое невозможное.

Так бывает не всегда. Часто психика ломается, ее компенсаторные механизмы принимают только отрицательную сторону, и там совсем не остается места для любви и понимания, ответственности и сострадания.

В книге Катя много раз говорит о том, что была и долго оставалась ребенком, поэтому ответственность за то, что произошло, она не взяла, и это, именно это, стало для нее спасением и тем самым ресурсом, который помог перенестись в другую реальность. Понимаю, как важно ей поделиться, и лично я ей очень признательна за это, за ее смелость, за возможность прочитать книгу подросткам и их родителям, чтобы вовремя объяснить, а может, и спасти себя и своих близких от встречи и общения с такими людьми, как Виктор Мохов.

У Кати есть свой опыт выживания, и ей важно донести свою позицию, надеюсь, что книга станет для Кати завершающим этапом ее личной психотерапии. Она найдет для себя все недостающие детали для понимания поступков Виктора и Алексея (он же Елена).

Прочитав эту книгу, уж точно невозможно остаться равнодушным и безучастным к любой из сторон.

Ирина Дайнеко – практикующий врач-психотерапевт, клинический психолог, старший преподаватель Медицинской академии, колумнист журнала «Сноб».

Действующие лица

Жертва: КАТЯ

Катя – интеллигентная, чуткая девушка, которая проделала впечатляющий путь к восстановлению. Сегодня она открыто говорит о сексе и о своей личной жизни, но 17 лет назад, в заточении, изо всех сил боролась за то, чтобы не потерять себя и не впасть в отчаяние. Под землей Катя начала писать стихи. Когда насильник дал ей краски и бумагу, она написала множество великолепных картин. На них изображены чувственные женщины в весьма провокационных позах. Катя объяснит, почему написала такие картины и как ей удалось стать такой, какая она сейчас. Расскажет, как сумела преодолеть желание отомстить, научилась находить радость в сексе и почему похищение избавило ее от страха перед родами.

Насильник: ВИКТОР

Похититель и насильник Виктор Мохов тщательно планировал преступление почти четыре года, перед тем как выкрасть девушек. За три года он выкопал камеру для будущих сексуальных рабынь – для этого он вручную вывез с участка почти 70 тонн земли. Окружающие считали Виктора приятным, уважаемым человеком. Поначалу милиция не могла поверить, что он мог совершить нечто подобное. Но вскоре истина открылась. Виктор Мохов все еще жив. Он должен выйти из тюрьмы в 2021 году.

Автор: КАРСТЭН ГРАФФ

Писатель и, как он себя называет, философ табу Карстэн Графф познакомился с Катей Мартыновой в Рязани в 2018 году. Они по-настоящему подружились. Графф излагает события не только с точки зрения жертвы, но и с позиций насильника и следователя. Графф хотел рассказать не просто очередную шокирующую историю страшного преступления. Это экзистенциальное исследование свободы, девиаций, боли, исцеления, смерти, секса, сочувствия и примирения. Работая над историей Кати, Графф пришел к глубокому пониманию философии преступления.

Карстэн Графф – известный писатель, автор более 20 книг, напечатанных общим тиражом более 300 тысяч экземпляров. В Дании четыре его книги стали бестселлерами. Графф прочел более 2500 лекций во всем мире. Больше о нем и его творчестве можно узнать на его сайте www.carstengraff.com.

Чудо

Карстэн Графф

Суббота, 24 апреля 2004 года. Самый обычный день. Маленький российский городок Скопин живет своей нормальной жизнью. Но в этот день происходит чудо. С улицы виден гараж. На уровне земли медленно и осторожно сдвигается металлическая пластина, скрывающая проход. Из него появляется мужчина лет

пятидесяти. Он с легкостью выбирается наружу. Мужчина высокий, мускулистый, на нем поношенные черные брюки и рубашка.

Через мгновение следом за ним вылезает маленькая, худенькая девочка-подросток. Ей нелегко выбираться из подвала. Она прикрывает глаза рукой, пытаясь привыкнуть к свету. Девочка бледна как смерть. Под глазами темные круги. У нее странная фигура: длинные руки, плоская грудь, худые ноги. Одета девочка как обычный подросток, собирающийся на вечеринку, но одежда мятая и грязная. Взглянув на нее, можно подумать, будто она поднялась из могилы. Выбравшись из-под гаража, девочка стоит неподвижно, с тоской глядя на небольшую рощу. Она ждет приказов мужчины.

Девочке должно быть страшно, но в этот момент она ничего не боится. Она наслаждается красотой природы, она счастлива и полна надежд. Впервые почти за четыре года ей не просто предстоит встретиться с новым человеком. У нее рождается реальный план побега. Сейчас самое главное – не вызвать подозрений мужчины. Девочка изо всех сил старается продемонстрировать ему свою готовность слушаться и подчиняться. Когда он крепко берет ее за руку, она покорно следует за ним. Они обходят гараж и направляются к старому покосившемуся коричневому домику всего в 50 метрах от гаража.

У двери дома они останавливаются. За ней нечто такое, чего страстно желает мужчина. Собравшись с духом, он стучит. Пленница покорно и бесстрастно стоит за его спиной. Через мгновение дверь открывает красивая девушка лет двадцати. Мужчина нервно улыбается и поворачивается к пленнице, чтобы та начала разговор. Но девочка апатично молчит. Мужчина на минуту теряется. Пауза затянулась, стала неловкой. В конце концов мужчина бормочет приветствие, девушка отступает и впускает странную пару в дом.

Через двадцать минут мужчина и его пленница выходят на улицу. Хозяйка дома кажется встревоженной. Закрыв дверь, она запирается на все замки. Мужчина с девочкой возвращаются к гаражу. Сердце ребенка отчаянно стучит. Ее план приведен в действие, и теперь остается только ждать. Мужчина открывает тайный лаз у гаража. Он не догадывается о том, что сделала его жертва. Четыре года ее считают пропавшей без вести или даже погибшей, но сейчас она уверена, что скоро вернется домой, к своей семье. Спускаясь в подвал, она улыбается.

Теперь остается лишь ждать и надеяться.

Дорогой Карстэн,

я только что дочитала Вашу книгу обо мне. Мне было нелегко снова стать девочкой, которую похитил Виктор, девочкой, которая обладала поразительной внутренней силой. Я поняла, почему Лена не хочет давать интервью. Она пережила ужас, куда более страшный, чем я, и ей нужно оставить свои тяжкие воспоминания в прошлом. Она прошла через ад на земле: ее насиловал безумный маньяк, она трижды беременела и дважды рожала в маленьком темном подвале. Я бы не выжила, если бы мне пришлось вынести то, что пережила Лена. Когда я читала Вашу книгу и смотрела на все произошедшее со стороны, страшное прошлое вновь пробудилось в моей душе. Это было мучительно. Я не смогла сдержать слез. Мне удалось пережить этот ужас и сохранить рассудок – и это настоящее чудо.

Читая Вашу книгу, я нашла ответы на вопросы, которые постоянно задавала себе с момента нашего освобождения. Я никогда не понимала, кем был мой насильник и похититель, не пыталась увидеть в нем человека. Мне не хватало смелости заглянуть в его жизнь и душу. То, как глубоко Вы проникли в чувства, мысли и мотивы Виктора Мохова, поразительно. До Вашей книги он представлялся мне обычным безумным маньяком, совершившим чудовищное сексуальное преступление. Теперь же я воспринимаю его иначе. Понимаю, что привело его к этому поступку. Он жесток, целеустремлен, у него был четкий план, который он воплотил в жизнь тщательно и методично. Читая Вашу книгу, я приходила в ужас оттого, что оказалась во власти такого человека. На пути к своей цели он не остановится ни перед чем. Не могу поверить, что за такое преступление его приговорили всего лишь к 17 годам заключения.

Ваша книга стала очередной вехой на моем пути. Я должна была пройти его, чтобы ужасное прошлое наконец осталось позади. Спасибо, Карстэн, что Вы помогли мне сделать это.

Катя Мартынова

Настоящий борец

Карстэн Графф

Из Москвы мне позвонил мой приятель Дэвид.

– Хочу рассказать тебе поразительную историю, – сказал он. – Ты слышал о Викторе Мохове?

Дэвид – американский писатель. Он специализируется на русской истории. Его звонок застал меня в лондонском кафе, где я работал за компьютером. Дэвид был необычайно возбужден. Поскольку человек он от природы очень спокойный, его слова меня сразу же заинтересовали.

– Нет, – ответил я. – Не припомню такого.

– Мохов – известный российский насильник, – пояснил Дэвид. – До того как выкрасть своих жертв, он почти четыре года рыл для них темницу под собственным гаражом. А когда закончил, похитил в соседнем городе двух девочек-подростков и более трех с половиной лет держал их в заточении. Он насиловал их практически каждый день. Одна из девушек трижды беременела.

– Это невероятно! – воскликнул я. – И девушки живы?

– Да. Им не просто удалось бежать. Они обе замужем, у них есть дети. Одну из них зовут Катя Мартынова. Восстановилась она не сразу, но сейчас готова рассказать о том, что с ней произошло. Катя ищет кого-нибудь, кто поможет записать ее историю. Ты много работал с жертвами насилия и закоренелыми преступниками и отлично справишься с этим. Если прилетишь в Москву, я встречу тебя в аэропорту, и мы сможем вместе к ней съездить.

Поговорив с Дэвидом, я стал искать информацию о Кате в интернете. Оказалось, что, сидя в подвале, куда каждую минуту мог вернуться насильник, она увлеклась живописью, рисунком и поэзией. Некоторые ее картины можно увидеть в сети, и на меня они произвели глубокое впечатление. Трудно поверить, что их написала юная девушка, оказавшаяся в жуткой ситуации. После освобождения Катя проявила поразительную открытость. Она была готова беседовать на любые темы. Я узнал, что у нее не возникло проблем с доверием к мужчинам и близостью с ними. В одном интервью она даже сказала, что больше

не держит зла на своего похитителя.

Изучая интернет, я выяснил, что история Кати заинтересовала журналистов со всего мира. Хотя она освободилась из заточения пятнадцать лет назад, многие статьи и интервью были довольно свежими. По какой-то причине эти события оставались актуальными. В одной из крупнейших английских газет я даже нашел статью, где говорилось, что насильник скоро выйдет из тюрьмы.

Почему эта история все еще так привлекательна для журналистов и читателей? Все просто: произошедшее с Катей похоже на голливудский блокбастер. Здесь есть и леденящая кровь драма, и невероятная коллизия, и история поразительной стойкости. Весь контекст произошедшего не только вызывает переживания, но и выводит вас за пределы любых условностей нормальной жизни. Персонажи этой истории крайне необычны. Одинокий мужчина, ведущий двойную жизнь и страдающий от неудач в отношениях с женщинами. Мастер на все руки, он несколько лет строил темницу в отчаянной попытке обрести жену. А еще есть сильная, красивая и чуткая героиня. Лишившись всего, она не потеряла надежды. Проведя несколько лет в ужасных условиях, она сумела стать художником и поэтом. В этой истории присутствуют все классические элементы триллера и драмы: саспенс, неожиданные повороты сюжета. В момент похищения Катя была наивным ребенком, беззащитным подростком, но благодаря своей стойкости она обрела истинную силу. В заточении она не сдалась своему мучителю, и постепенно баланс сил изменился. После нескольких лет кошмара девушкам удалось переиграть своего похитителя, и Катя обрела свободу.

А на свободе она изменилась и расправила крылья, подобно бабочке. Теперь она была готова к жизни. Она приняла любовь и секс. После тяжелой борьбы обрела счастье с мужчиной, который любит ее и принимает такой, какая она есть, со всем ее мучительным прошлым. Это очень вдохновляющая история – а то, что она произошла в действительности, делает ее еще более увлекательной.

Я много размышлял о том, что случилось с Катей. И это привело меня к мыслям о собственной свободе, которую я привык воспринимать как должное. У меня появилось множество вопросов к Кате. Как ей удалось обрести смысл и цель жизни, после того как ее оторвали от близких, любимых людей, лишили достоинства, будущего и свободы? Как изменились ее отношения с природой, когда она лишилась возможности дышать свежим воздухом, гулять по лесу и

наслаждаться солнечными лучами? Как изменились ее отношения с жизнью, после того как она провела несколько лет на грани смерти, не зная, не станет ли очередной день последним? Как обрести смысл, если единственная цель – сохранить рассудок и остаться в живых? Как подобный опыт заточения повлиял на восприятие свободы? На своих картинах она изображала красивых, чувственных женщин в провокационных позах. Какая идея стояла за этими портретами? Как они помогали девушке жить?

В истории Кати был и еще один аспект, который вызвал мой живой интерес. Я говорю о насильнике и похитителе Викторе Мохове. Он явно страдал, и страдал мучительно. Но мечта владеть женщинами и использовать их, чтобы избежать одиночества и получить сексуальную разрядку, довольно широко распространена среди мужчин. Многие из них когда-либо мечтали о гареме, обитательницы которого удовлетворяли бы любые их прихоти. Мужчины часто способны отделять сексуальные потребности от эмоциональной жизни. Они могут заниматься сексом с женщиной так, словно она неживой объект, игрушка. Возможно, восприятие секса как некоего опыта, который можно полностью контролировать, а женщины как объекта потребления является частью мужской природы. Однако Мохов довел такой подход к сексу до предела, перейдя все этические границы. Он превратился в гротескную карикатуру на мужскую сексуальность в самой мрачной и невообразимой ее форме. Рассказывая Катину историю, интересно исследовать сексуальность и постараться понять, что заставило такого мужчину, как Мохов, совершить это безумное преступление.

Чем больше я думал о Викторе Мохове, тем лучше понимал, чего он пытался достичь и почему это ему так и не удалось. Подобно большинству мужчин, он мечтал, чтобы женщины им восхищались. Ему хотелось заботиться о них, заслужить их уважение и любовь. Получил же он совершенно обратное. Он держал в темнице двух девушек, которые боялись и ненавидели его. Мучитель, желающий сохранить власть над своими пленниками, не может установить эмоциональный контакт с ними, иначе контроль перейдет в руки жертв. Я уверен, что для Виктора подчинение представляло огромную проблему. Как удержать двух узниц, принуждая их к сексу, и не ощутить эмоциональной связи? Он владел этими девушками целиком и полностью. Уверен, что проблема установления духовного контакта и стала причиной его падения. Постепенно Мохов становился все более одиноким и несчастным. В конце концов он утратил связь с реальностью, впав в полное безумие. То, что повлияло на Виктора, можно назвать законом кармы. Жизнь не допускает манипулирования. Близость не

может быть насильственной. Нельзя поставить цветок в вазу и ждать, что он будет распускаться и становиться все краше. Все вырванное из естественной среды силой гибнет, а насильник несет наказание – в той или иной форме.

Хотя бо?льшую часть взрослой жизни я изучал табу и болезненные эмоции, мне было ясно, что Катя может многому меня научить. Почти все жертвы ужасных преступлений боятся жизни, но иногда им удается растворить свою боль и обрести истинную силу. Когда это происходит, человека можно назвать настоящим борцом. Настоящий борец обладает эмоциональной гибкостью, потрясающей открытостью и огромной внутренней свободой. Кроме того, он редко считает себя жертвой. Настоящий борец понимает, что должен использовать все, чему научила его боль, во благо других. Я многое прочитал о Кате и понял, что это в полной мере относится к ней. Она, несомненно, обрела особое знание. Знание, которое может дать новые полезнейшие навыки миллионам людей, переживших различные травмы и насилие. Я был уверен, что читателям будет интересно понять, какой настрой помогает сохранить рассудок и силу воли в жутких условиях настоящего ада.

Прощание с детством

Катя Мартынова

Большинство из нас считает, что первый сексуальный опыт будет чудесным, эротичным и наверняка романтическим. О втором и третьем сексе люди чаще всего забывают, но самый первый запоминают навсегда. Я тоже никогда не забуду свой первый сексуальный опыт, хотя он не был ни романтическим, ни эротичным. Когда это случилось, мне было всего 14, и меня насиловал незнакомый мужчина в грязном гараже. Он использовал меня ради собственного наслаждения, а я была уверена, что умру. Я испытывала такое отвращение, что его невозможно выразить словами. Тот мужчина держал меня в сыром подвале 1312 дней. За это время он насиловал нас с подругой более тысячи раз. И все же я навсегда запомнила тот первый секс, который стал самым страшным и отвратительным опытом в моей жизни.

Когда этот кошмар начинался, я была всего лишь девчонкой, которая любила играть с куклами. Я никогда до этого не думала о сексе. Я была самой обыкновенной лентяйкой, избалованной любимой дочерью. Мое детство еще не закончилось. В тот вечер, когда все это началось, я с подругой моей старшей сестры, Леной, отправилась на городской праздник. Лене было шестнадцать, мне четырнадцать. Мы так увлеклись, что потеряли счет времени. Поняв, что уже очень поздно, мы кинулись на автобусную остановку. По пути нас нагнала машина. Двое приятных мужчин предложили подвезти нас. В то время общественный транспорт в Рязани ходил плохо и подобные предложения считались совершенно нормальными и безопасными.

Мы сели в машину. Мужчины представились: Виктор и Алексей. Виктор все время молчал, а Алексей оказался очень разговорчивым. Он предложил нам шоколадку, потом что-то выпить. В напитке оказалось снотворное. У меня помутилось сознание, но я сумела заметить, что машина развернулась и поехала назад. Я наблюдала за происходящим словно во сне. Пассивно глядя в окно, видела множество машин, на которых люди разъезжались с праздника. Я пыталась хоть что-то сделать, но так ослабела, что не могла даже говорить, не то что двигаться.

– Девушки! – неожиданно прозвучавший голос вернул меня в реальность. – Нам нужно на минутку вас оставить.

Голос звучал издалека. Я открыла глаза, но не поняла, где нахожусь. Тело меня не слушалось. Несколько секунд я пыталась собраться с мыслями, но не понимала, что происходит. Увидев Лену, я вспомнила про Виктора и Алексея и поняла, что их нет в машине. Испугавшись, я принялась трясти подругу.

– Где мы? Сколько времени?

Утром я забыла завести часы, и теперь они остановились.

– Не знаю, – ответила Лена.

Она была озадачена так же, как и я.

Мы сидели молча, вглядываясь в темноту. За окном виднелись какие-то заборы и старые деревянные дома. Я пыталась понять, что произошло, и в этот момент машина покатилась задом в кювет. Я вскрикнула, а Лена наклонилась вперед, пытаясь дотянуться до ручного тормоза. Ей это почти удалось, и тут подбежали Виктор и Алексей. Виктор мгновенно перехватил руль, нажал на тормоз, но было уже слишком поздно. Машина врезалась в дерево.

– Вот черт! – выругался мужчина. – Забыл поставить на ручник!

Он вылез из машины, чтобы оценить повреждения. Вернулся расстроенным.

– Задняя фара разбита, – пробормотал он. – Если я поеду дальше, милиция меня остановит. Извините, девушки, но домой мы вас отвезти не сможем.

– Но где мы? – спросила Лена.

– Мы недалеко уехали, – ответил Алексей. – Виктор живет неподалеку. Нам нужно заехать к нему, поменять фару. А потом мы отвезем вас домой.

Все это было очень неправильно, но я и Лена ничего не могли сделать. Мы оказались в какой-то глуши, где не было общественного транспорта. Телефонов у нас не было, и вызвать такси мы не могли. Алексей и Виктор казались довольно симпатичными и дружелюбными. Хотя нас явно опоили, я не поняла, что это значит. До сих пор моя жизнь была абсолютно безоблачной и счастливой. Я еще не встречала людей, которые хотели бы обмануть и обидеть меня, и была уверена, что в нашем городе таких просто нет. Я была счастливой и наивной девочкой, которая всегда делала то, что говорили ей взрослые. Слова Алексея звучали серьезно и разумно, а Виктор казался безобидным скромным старым дяденькой. Когда он поехал к своему дому, мы не волновались. Скоро он починит машину и отвезет нас домой. А там мы успокоим родителей, рассказав им, что произошло.

Мы подъехали к деревянному забору. Виктор вышел из машины, открыл ворота, заехал во двор и снова их запер. Стояла кромешная тьма. Я видела лишь тусклые фонари где-то вдали. Когда мотор стих, наступила мертвая тишина, а потом поблизости залаяли собаки. Мы с Леной не понимали, что говорить и делать. Мы остались в машине, а мужчины вышли. Когда они скрылись из виду, я

снова вспомнила о родителях. Они, наверное, страшно злятся. Мысль о том, как мне попадет, когда мы доберемся до дома, пугала меня до смерти. Меня вряд ли выпустят гулять – придется сидеть взаперти несколько недель, а то и месяцев.

– Не волнуйтесь, девушки! – Алексей открыл дверцу с моей стороны. – Мы быстро поменяем фару и отвезем вас домой. – Он дружелюбно улыбнулся. – Пока Виктор работает, вы можете пойти со мной.

Он протянул руку и помог мне выйти из машины. Я не знала, что делать, и подчинилась. Лена осталась в машине. Я пошла рядом с Алексеем. Он наклонился ко мне и доверительным тоном произнес:

– Если родители будут ругаться, когда ты вернешься, скажи, что это Лена не хотела уходить с праздника.

Я увидела очертания какого-то сооружения. Алексей завел меня внутрь. Это оказался гараж. Остро пахло бензином, мочой и пивом. Стоило мне войти, как я сразу же поняла, что тут что-то не так. Глаза привыкли к полумраку. В гараже было грязно, повсюду валялся какой-то мусор. Когда Алексей закрыл за собой дверь, мне стало ясно, что я попала в беду. Я со страхом смотрела на него. Теперь он не казался мне дружелюбным.

– Садись сюда, – велел он, указывая на грязный матрас, валявшийся на полу. – Виктор придет через минуту.

– Зачем? – спросила я. – Разве он не чинит машину?

Алексей не ответил. Он вышел из гаража, закрыв за собой дверь. Не зная, что делать, я села на край грязного матраса и стала ждать. Голова у меня кружилась, в глазах все расплывалось – сказывалось действие препарата. Что происходит? И почему я должна ждать Виктора в этом жутком месте? Через минуту вошел он сам. В тусклом свете я видела лишь его силуэт. Когда он подошел, я поняла, что он старый – пожалуй, даже старше моего отца. Мне не понравилось, как он смотрит на меня.

– Почему ты не разделась? – в его голосе слышалось удивление.

– Не разделась? – переспросила я. – Зачем?

– Затем, что я буду тебя трахать!

Его слова поразили меня, словно молнией. Я заплакала. Слезы текли по щекам. Я умоляла его отвезти нас домой, спрашивала, где Лена. Виктор не ответил и молча вышел из гаража. Через минуту вернулся Алексей. Он сел передо мной на корточки, схватил меня за подбородок и отвесил пощечину.

– Раздевайся немедленно! – рявкнул он. – Слышишь собак?

Я кивнула.

– Если не сделаешь, как велит Виктор, я спущу их на тебя. А они очень злые!

От этих слов я зарыдала еще сильнее. Виктор был мне отвратителен, от мысли о нем меня всю выворачивало. Лучше пусть меня разорвут собаки!

– Ну, что выбираешь? – Алексей еще сильнее сжал мой подбородок. – Хочешь домой или к собакам?

Я продолжала плакать. Алексей сказал, что от секса с Виктором от меня не убудет, и я начала стягивать колготки и трусики. Руки у меня дрожали, голова кружилась. Алексей просто ждал, не проявляя никаких эмоций. Когда я разделась, он вышел. Я легла на спину, закрыла глаза и стала ждать. Я не представляла, что такое секс, но надеялась, что все кончится быстро. А потом мы с Леной отправимся домой. Я ждала. Где-то далеко лаяли собаки. Когда Виктор вошел, я изо всех сил зажмурилась. Я услышала, как он расстегивает брюки. Потом он раздвинул мои ноги. Через мгновение меня пронзила сильная боль, но кричать я побоялась. Лицо Виктора было так близко, что ощущался тяжелый запах изо рта. Я не открывала глаза. Он лишил меня девственности. Старый, отвратительный ублюдок ни на минуту не задумался, что этот цветок предназначался не ему! Не знаю, как долго все продолжалось; боль была ужасающей, мне казалось, это никогда не прекратится. Но он все же кончил, поднялся и велел мне одеваться. Я стала надевать трусики. Внутри себя я почувствовала какую-то отвратительную жидкость. Меня чуть не вырвало.

Когда я оделась, мужчина схватил меня за руку и вытащил из гаража.

– Где Лена? – всхлипывая, спросила я.

– Она тебя ждет, – ответил Виктор. – Иди сюда. Я отведу тебя к ней.

Я, спотыкаясь, зашагала за ним. В глазах было темно от слез. Мысли путались, но я цеплялась за хрупкую надежду, что этот кошмар скоро кончится. Через минуту я буду с подругой, и все снова будет хорошо. Этот человек отвезет нас домой. Я пообещаю маме никогда не задерживаться и никогда не разговаривать с незнакомцами. Тем временем Виктор крепко держал меня и тащил куда-то вдоль стены гаража. Неожиданно он выпустил мою руку и присел на корточки. Подцепив металлический лист, прикрывавший фундамент гаража, потянул на себя. Открылся какой-то лаз.

– Лезь туда! – приказал он.

– Зачем? – у меня градом полились слезы.

После того что произошло в гараже, я была уверена, что хуже быть не может. Но глядя на жуткую черную дыру, я чувствовала, что будет гораздо хуже.

– Лена там, – сказал он. – Вы здесь переночуете, а утром я отвезу вас домой.

Я не представляла, почему Лена неожиданно оказалась в подвале гаража Виктора, и замешкалась, но он снова схватил меня за руку и сильно толкнул вперед. Мне пришлось подчиниться. По небольшой лестнице я спустилась в подвал. Виктор следовал за мной. Он включил свет и закрыл люк за собой. Подвал оказался очень маленьким: холодные бетонные стены, низкий потолок. Виктор был высоким и не мог выпрямиться в полный рост. Он опустился на колени и открыл еще один люк. За ним обнаружилась новая лестница. Она вела в небольшую комнатку.

– Спускайся! – рявкнул Виктор.

Дрожа от страха, я шагнула к люку и спустилась. Зачем он привел меня сюда? Лену я не видела. Я не сомневалась, что Виктор снова изнасилует меня и убьет,

но больше он меня не тронул. Спустившись вслед за мной, он открыл еще один люк, на сей раз в стене.

– Сюда!

Я смотрела на люк. Этот был меньше других, но оказался очень толстым, почти тридцать сантиметров толщиной. В тусклом свете я видела, что он деревянный, в железной раме, с тяжелыми болтами. Виктор ловко с ними управлялся. Казалось, он ведет меня в какое-то подземелье. Все происходящее выглядело каким-то безумием. Я перестала что-либо понимать. Следующая комната была расположена чуть ниже. Виктор нажал на выключатель, и под потолком загорелась лампочка. Мы находились в каморке два на три метра, высота потолка составляла около двух с половиной метров. Стены были выкрашены в белый цвет, пол покрыт досками. У стены стояла железная кровать с матрасом. Лены я не увидела, но поняла, что спрашивать, почему ее нет, бессмысленно. Виктор велел мне войти, и я подчинилась. Даже мне было сложно пролезть внутрь, а ведь я была довольно маленькой. Я села на кровать и заплакала. Виктор запер за мной люк.

Целый час я плакала, пытаясь понять, что произошло. Я догадывалась, что Виктор и Алексей насилуют Лену. Потом они ее убьют, а обо мне Виктор забудет, и я умру в этом ужасном месте от голода. Завтра мои одноклассники придут в школу и будут жить нормальной счастливой жизнью, а я буду сидеть в этой странной подземной тюрьме, медленно умирая от голода. Я подумала о родителях. Наверное, они уже в панике. Завтра милиция начнет нас искать, но никто не видел, как мы садились в машину Виктора, и нас никогда не найдут. Несколько раз я закрывала глаза, пытаясь забыть об ужасной реальности и представляя, как обнимаю маму. Больше всего на свете мне хотелось, чтобы она меня обняла и утешила. Мне хотелось сказать ей, что теперь я всегда буду ее слушаться.

Через какое-то время я начала осматриваться. В комнате было чисто. Похоже, ее оборудовали совсем недавно. Кто-то провел электричество, у потолка я увидела вентиляционные отверстия, услышала, как работает вентилятор, но в комнате было сыро и холодно. Матрас и постельное белье были старыми, но выглядели довольно чистыми. Слева от кровати стоял небольшой деревянный стол с двумя полками внизу. Рядом я увидела стул с пластиковым сиденьем и металлическими ножками. В углу на стене висели две деревянные полки, под ними стояло ведро

с крышкой. Похоже, это примитивный туалет. Кто и зачем все это сделал? Может быть, это какое-то домашнее бомбоубежище? Странно, что кто-то построил нечто подобное под грязным гаражом.

Не знаю, сколько часов я так просидела, когда раздался лязг замков. Прошла целая вечность, прежде чем Виктор просунул голову в люк.

– Не спишь? – с ухмылкой спросил он.

Я снова спросила про Лену и со слезами стала просить отпустить нас домой. Но умолять его о милосердии и сочувствии было тщетно. Виктор протиснулся сквозь узкую дверь и уселся за стол. С Леной все нормально, сказал он. Она спит у него дома. Виктор говорил, а я думала, что не должна верить ни одному его слову. Он сумел притвориться добрым и заботливым человеком, а ведь у него вовсе нет сердца. На первый взгляд Виктор казался совершенно обычным приветливым человеком – таких много в толпе, они не выделяются. Но он был безумен. Даже когда он улыбался, глаза его оставались холодными. Говоря, Виктор проглатывал окончания слов, словно ему не нравилось говорить.

Рассказав мне про Лену, он замолчал и уставился на меня, словно ожидая, что я успокоюсь. Из одного кармана он вытащил бутылку виски, из другого стакан. Налил полный стакан и протянул мне.

– Пей!

Я была зла и подавлена, но мысль о том, что он может сделать, если я не подчинюсь, приводила меня в ужас. Демонстрируя покорность, я сделала глоток. Гадкая жидкость обожгла мне горло. Я закашлялась, и Виктор протянул мне бутылку воды. Я схватила бутылку и принялась жадно пить, стараясь избавиться от мерзкого вкуса. Через мгновение у меня закружилась голова, в глазах потемнело, и я потеряла сознание.

Слез не осталось

Карстэн Графф

Мой самолет приземлился в Москве. Впереди была трехчасовая поездка на электричке в Рязань, где мне предстояло встретиться с Катей у нее дома. Дэвид, как и обещал, встретил меня в аэропорту. Вместе мы добрались до Рязани, взяли такси, и теперь он сидел рядом с водителем. С того момента, как я оказался в России, я не видел ни одного улыбающегося человека. Дэвид вполне соответствовал русскому складу: чтобы понять, нравитесь вы ему или нет, нужно было очень хорошо его знать. Поскольку Катя не говорила по-английски, Дэвид предложил быть моим переводчиком.

– О чем ты собираешься говорить с Катей? – спросил он.

– Пока не знаю.

– Ты шутишь?! – изумился Дэвид. – Ты проделал такой путь и не подготовился к интервью?!

Дэвид интеллектуал. Всю жизнь он пишет очень сложные книги и статьи. Он один из самых умных людей, которых я знаю, но совершенно неспособен к эмпатии и импровизации.

– Когда встречаешься с человеком, пережившим ужасную утрату, пытку или насилие, никогда не знаешь, о чем пойдет разговор, – объяснил я. – Судя по статьям, Катя – человек спокойный и открытый, но вживую она может оказаться совершенно другой. Когда человек испытал такую боль, может случиться все что угодно. Кроме того, нельзя забывать, что ее насильник был примерно нашим ровесником. Ее реакцию на нас предсказать невозможно. Сначала нужно понять, поладим ли мы, а уж потом будет видно, о чем и как говорить.

Мы вышли из такси у Катиного дома. Мне показалось, что я вхожу в тюрьму. Тяжелая металлическая дверь подъезда открылась и захлопнулась за нами со страшным грохотом. Лестница оказалась обшарпанной, в бетонных стенах зияли дыры, а внутри виднелась арматура. Когда я сказал, что дом очень ветхий, Дэвид ответил, что это лучший район города и квартиры здесь весьма неплохие. В сравнении с другими жилыми домами в России здесь было еще довольно «прилично». Через минуту Дэвид уже стучал в дверь Катиной квартиры. Я

напрягся. Мне не раз доводилось сталкиваться с неприязненной реакцией. В Кате могла сработать эмоциональная бомба замедленного действия. Дэвид не способен на сочувствие, а я не говорю по-русски. Если ситуация выйдет из-под контроля, справиться будет трудно.

Но как только Катя открыла дверь, я понял, что тревоги были напрасны. Ее теплая улыбка была совершенно искренней. Я сразу почувствовал, что эта женщина не испытывает проблем с доверием. Наши взгляды встретились, и я осознал, что с ней можно говорить обо всем. Между нами сразу возникла некая химия. Катя с улыбкой протянула мне руку и пригласила войти. Она проводила нас на кухню, и я смог осмотреться в ее квартире. Здесь было просторно, тепло и уютно – полная противоположность тому, что я ощущал в подъезде. Катя сказала, что ее муж Денис забрал детей, чтобы мы могли спокойно поговорить наедине. Дэвид выступил нашим переводчиком. Катя хотела узнать о моей работе и о книгах. Когда разговор стал совсем непринужденным, я решил не ходить вокруг да около и напрямую спросил ее о времени, проведенном в заточении у Виктора. С поразительной прямотой Катя вкратце изложила свою историю. То, что она говорила о своем прошлом так спокойно, оказалось приятным сюрпризом. Примерно через полчаса мы с Катей уже шутили и смеялись, а Дэвид совершенно бесстрастно переводил наши реплики.

– Вы очень легко говорите о прошлом, – сказал я. – Неужели вам не хочется плакать, вспоминая все это?

– У меня бывают хорошие и плохие дни, как у всех нас, – ответила Катя. – Но я счастливый человек, не страдающий перепадами настроения. Когда я вырвалась из заточения, все удивлялись, что я редко плачу. Наверное, это трудно понять, но в подвале я очень много плакала, так что к моменту спасения у меня, видимо, просто не осталось слез. Возвращаться к свободе было очень тяжело. Меня многое трогает, но плачу я очень редко.

– Что вы почувствовали после освобождения? – спросил я.

– Я была разбита физически и эмоционально. Иногда мне казалось, что исцелиться невозможно. Каждую ночь я с криками просыпалась от кошмаров. У меня началась депрессия, меня преследовали страшные образы и воспоминания. Они возвращались снова и снова. Боль была мучительной, но я знала, что никто

не сможет понять, что я пережила. Ни родным, ни друзьям не прочувствовать, каково это – быть животным в клетке. Никому не понять, каково это – годами быть жертвой безумного насильника. Никто не пережил того, что пережила я в подвале у Виктора. И поэтому я решила, что должна нести свою боль в одиночку. Со временем горечь и страх начали ослабевать.

– И вы не думали ни об алкоголе, ни о снотворном, ни об антидепрессантах?

– Нет. Я чувствовала, что от этого мне станет только хуже. Моя боль – это реальность моего прошлого. Если я попытаюсь заглушить ее лекарствами, она никогда не пройдет. После освобождения я не раз испытывала страх, стыд, тоску и отчаяние. Но другого пути у меня не было.

– А что именно помогло вам избавиться от боли?

– Общение с теми, кто меня любит. Но я находилась в очень тяжелом эмоциональном состоянии. Наверное, многие мои поступки заставляли их беспокоиться.

– А психотерапия? Вы не обращались к психотерапевту?

– Обращалась, но это было ужасно. Врач, как и все, не могла понять, что мне пришлось пережить. Профессиональный психолог вела себя очень отстраненно. Общаясь с ней в клинике, я чувствовала, будто меня снова насилуют.

– Отлично вас понимаю, – кивнул я. – Я никогда не верил в так называемую профессиональную психотерапию. Этот процесс и мне кажется ментальным изнасилованием.

Дэвиду было нелегко перевести мои слова, но он справился, и Катя рассмеялась.

– Думаю, вы правы, – сказала она. – Для исцеления всем нам нужны сочувствие и любовь. Вот почему лучше молчать с близкими, чем говорить с профессионалом, который не понимает, что произошло.

– Так что же способствовало вашему исцелению, кроме общения с родными?

– Многое… После спасения я постоянно вспоминала ужасные дни, проведенные в заточении. Чтобы выжить, придумывала множество разных приемов, но страшные воспоминания не отступали. А потом я решила записать свою историю, и почувствовала, что ужасные образы прошлого блекнут. Я поняла, что могу исцелиться, поделившись своим опытом с другими. Сегодня те события кажутся очень далекими, и боль тоже отступила. Единственное, что меня по-прежнему пугает, – это темнота.

– А что вы скажете насчет запретных тем? Есть ли в вашем прошлом нечто такое, что вы не хотите вспоминать и обсуждать?

– Нет. Сегодня я могу откровенно рассказать обо всем, что со мной случилось.

– Прекрасно! А почему вы решили опубликовать свою историю именно сейчас?

– Я хочу рассказать об этом, чтобы другие люди поняли: можно пережить самое страшное сексуальное насилие и после этого иметь нормальную личную – и сексуальную! – жизнь. Если я смогла, то и другие поверят в себя и смогут сделать то же самое.

– А Виктор? Я знаю, что сейчас он в тюрьме, но как вы относитесь к нему сегодня?

– Во время заточения он будил во мне такую ненависть, ярость и гнев, что даже страшно представить, – ответила Катя. – Но со временем мои чувства изменились. Сегодня я не испытываю гнева, однако простить его я никогда не смогу. Он отнял у меня несколько лет жизни и причинил мне и моим близким страшную боль. Теперь я понимаю, что Виктор всего лишь одинокий, несчастный человек – как и всех нас, его родила женщина, и он был вскормлен ее молоком. Много лет назад он был обычным маленьким мальчиком и играл в том самом саду, где потом вырыл тюрьму для нас. В заточении я считала его чудовищем, но сегодня отношусь к нему иначе. Им двигала не жестокость – все дело в страшном одиночестве. Вот почему он всегда боялся.

– Боялся? – удивленно переспросил я. – Чего же он боялся?

– Женщин. Заточив нас в подвале, он почувствовал себя хозяином положения, но все равно продолжал бояться. Чтобы защититься, он изо всех сил старался не

видеть в нас людей. Мы для него были лишь сексуальными объектами. Некоторые мужчины покупают надувных кукол, а у Виктора были мы с Леной.

– Вам никогда не хотелось отомстить за то, что он сделал с вами?

– Несколько лет назад я смотрела фильм «Граф Монте-Кристо». Эдмон был невиновен, но его на много лет заточили в тюрьму. Там он познакомился с аббатом Фариа, и тот помог ему бежать. Но позже аббат сказал Эдмону, что сожалеет о своем поступке.

– Почему?

– Потому что он понял, что Эдмоном движет исключительно чувство мести. Я смотрела этот фильм и ощущала себя Эдмоном. Но, в отличие от него, мне никогда не хотелось мстить. Обретя свободу, я использовала всю свою силу и возможности, чтобы вернуть себе собственную жизнь. Я столько упустила, и мне столько нужно было узнать, столькому научиться. После освобождения я целиком сосредоточилась на собственном развитии. Правда, вскоре я могу снова вспомнить о Викторе.

– Почему?

– Он получил всего семнадцать лет заключения. Его срок скоро заканчивается. Когда он выйдет из тюрьмы, мой страх вернется. Я не знаю, не захочет ли он снова разыскать меня. Кроме того, когда такой человек ходит по улицам, ни одна женщина не может чувствовать себя в безопасности.

Когда-нибудь…

Катя Мартынова

– Катя, проснись!

Голос звучал приглушенно, но был знакомым. Открыв глаза, я увидела Лену. Она была жива и цела – какое облегчение! Хотя голова у меня по-прежнему

кружилась, я засыпала ее вопросами.

– Где ты была? Сколько времени? Когда мы поедем домой?

– Уже утро. – У Лены был усталый вид. – Я спала в доме. Виктор разбудил меня и привел к тебе.

Только тут я поняла, что он сам стоит за ее спиной. От вида этого извращенца меня замутило, но одновременно в голове прояснилось. К своему ужасу, я поняла, что лежу под простыней совершенно голая. Стало ясно, что, пока я была без сознания, Виктор снова изнасиловал меня. Осознав это, я зарыдала. Лена стала меня утешать, и Виктор направился к выходу.

– Она останется с тобой, – сказал он, протискиваясь в дверь.

Лязгнули замки.

Когда Виктор ушел, Лена собрала мою одежду и помогла мне одеться. Я изо всех сил пыталась взять себя в руки, но, несмотря на все усилия, продолжала дрожать крупной дрожью.

– Он больше не вернется! – в моем голосе звенела паника. – Мы умрем здесь от жажды и голода, и нас никто не найдет!

Лена пыталась успокоить меня. Она села рядом и обняла меня за плечи.

– Успокойся, – сказала она. – Виктор скоро вернется и отпустит нас.

Я изо всех сил старалась ей поверить. Мы долго сидели обнявшись, потом я легла, не выпуская руки подруги. Я пыталась представить, каково это – снова оказаться дома. Голова у меня все еще кружилась от препаратов. Неожиданно я почувствовала, что кровать подо мной исчезает. Комната начала медленно вращаться, и я провалилась в странный сон. Мне казалось, что я дома, но все вокруг расплывалось и уходило вдаль. Вдруг все изменилось. Взрыв, языки пламени… Я закричала, пытаясь вернуться в родной дом, но вся квартира была объята огнем. А потом все померкло.

Проснулась я от знакомого лязга замков. Потом раздался скрип лестницы, за ним бряцание другого замка. А затем отворилась дверь нашей комнаты.

– Хотите есть? – спросил Виктор, просовывая голову в щель.

Не дожидаясь ответа, он поставил у двери еду. Яйца, белый хлеб, бутылка растительного масла, пакет макарон и пара полулитровых бутылок воды. Когда мы забрали продукты, Виктор передал нам чайник, маленький нож, две чайные ложки и старую электрическую плитку.

– Когда вы отпустите нас домой? – спросила Лена.

– Когда-нибудь, – проворчал он, захлопывая дверь.

Когда он ушел, Лена включила плитку. Она начала нагреваться. Лена налила в чайник воды и положила яйца. Вскоре вода закипела. Повалил пар, в комнате стало еще более влажно. Нож, принесенный Виктором, оказался совсем тупым, но нарезать им хлеб все же удалось. Мы принялись за еду. Хотя мы давно не ели, аппетита у нас не было. Я постоянно думала о возвращении домой. Невозможно было осмыслить произошедшее – и происходящее. Не впасть в панику было тяжело. Больше всего мне хотелось пойти в душ. Мне отчаянно хотелось смыть все, что сделал со мной Виктор, оставить последние 24 часа позади, как дурной сон. Лена была напугана не меньше, чем я, но не поддавалась эмоциям. Она пыталась успокоить меня, твердя, что Виктор скоро нас отпустит, а если нет, то мы найдем способ выбраться.

Его не было несколько часов. Я окончательно уверилась в том, что мы обречены на голодную смерть в этой камере. Когда дверь в очередной раз открылась, я уже не знала, сколько времени прошло с последнего появления Виктора – несколько часов или несколько дней. Я ощутила облегчение, хотя не представляла, что он собирается с нами сделать. Когда Виктор открыл дверь и просунул голову, я затаила дыхание. Секунду он смотрел на Лену, потом перевел холодный взгляд на меня.

– Выходи, – скомандовал он, тыча в меня пальцем. – Буду трахаться с тобой!

От мысли о том, что мне снова придется лежать под этим вонючим стариканом, я покрылась мурашками. Меня замутило. После того, что он уже со мной сделал, у меня все болело, и кровотечение не прекращалось. Я не могла помыться, раны и ссадины сочились кровью. Это было невыносимо. Лена поняла, что я не выдержу того, что он хочет со мной сделать, и вызвалась пойти вместо меня, но Виктор уже принял решение и не собирался его менять.

– Выходи! – заорал он. – Если не выйдешь, я вырублю свет и вентиляцию. Через несколько часов вы обе задохнетесь и помрете!

В тот момент мне было так плохо, что его угрозы на меня не подействовали. Я предпочла бы умереть, лишь бы этот извращенец не насиловал меня, и моя решимость крепла с каждой минутой. Поняв, что я не уступлю, он ушел. Через минуту в комнате стало очень тихо. Вентиляторы остановились, свет погас. Мы оказались в полной темноте. Контраст между светом и мраком оказался сильнее, чем я представляла. В долю секунды темнота окутала меня толстым, тяжелым одеялом. Через минуту я буквально ополоумела. Меня охватила животная паника. Я начала кричать и метаться по комнате. Нащупав стул, я сумела открутить ножку и изо всех сил замолотила ей по стене, крича, что Виктор должен вернуться и выпустить нас.

Естественно, никакого действия мои слова не возымели. Даже если бы в нашем маленьком бетонном склепе взорвалась бомба, наверху ничего не услышали бы. И все же мне нужно было дать выход внутренней агрессии. Я продолжала кричать и молотить по стене, но вскоре тело отказалось меня слушаться. За несколько дней меня дважды насиловали и напаивали снотворным, я почти ничего не ела и находилась в состоянии паники. В подвале было душно и влажно, и от этого мутилось в голове и подкашивались ноги. Тело болело, мысли путались. С трудом переводя дух, я рухнула на пол. Я пыталась сосредоточиться, и вдруг мою голову пронзила мучительная боль. Без вентиляции воздух стал влажным. Если я хочу сохранить сознание, нужно успокоиться и дышать ровно. Маньяк похоронил нас заживо. Если мы не уступим его сексуальным требованиям, он может дать нам задохнуться, свести с ума, уморить голодом.

Мы с Леной долго молча сидели в темноте. Мной овладело какое-то бесстрастное безразличие, и только удары сердца упрямо напоминали, что я еще жива. Темнота была такой полной, что можно было и не открывать глаза –

никакой разницы. Проходили часы. Я начала видеть какие-то движущиеся цвета и формы. Возможно, это были шутки разума, но я начала слышать странные, незнакомые звуки. Сидение в полной темноте обострило слух, и я стала различать шорохи, которых в обычном состоянии не заметила бы. Порой мне казалось, что это какие-то привидения. Затем я была уверена, что слышу, как по комнате ползают насекомые, как сочится сквозь бетон вода, как черви копошатся в земле под полом. Чем бы это ни было, но это чувство потом преследовало меня все те годы, когда Виктор наказывал нас, сутками оставляя в темноте.

Через несколько часов, а может быть, через день свет неожиданно включился. Одновременно загудел вентилятор. Маленькая плитка начала нагреваться. И тут же в дверях появился Виктор. На сей раз в одной руке он держал нож, а в другой резиновый шланг.

– По-хорошему или по-плохому? – злобно прорычал он, глядя на меня и протискиваясь в нашу комнату.

Лена снова оказалась смелее меня. Она мгновенно вскочила на ноги, так, чтобы Виктор не мог до меня дотянуться. Естественно, он был сильнее ее. Когда она поднялась, он ударил ее шлангом, но Лена продолжала бороться. Виктор повернулся ко мне, а она схватилась за шланг и попыталась выхватить его, но потеряла равновесие и упала. Стараясь подняться, она сильно порезалась о нож Виктора. Кровь залила ее руку, тяжелые капли упали на пол. Это пятно потом каждый день напоминало нам о том, что могло бы произойти, если бы мы не подчинились нашему мучителю. Лена скорчилась, зажала рану. Виктор схватил меня за руку, я дико завизжала, но он вытащил меня в соседнюю комнату и захлопнул за собой дверь.

Когда я впервые проходила через это помещение, то была слишком напугана и измучена, чтобы заметить что-либо особенное. Теперь же я поняла, что комната была украшена. Когда я увидела, как Виктор ее украсил, меня замутило. Все поверхности были выкрашены в светло-зеленый цвет. На полу лежал ярко-красный ковер, а на стенах висели плакаты и порнографические фотографии женщин в развратных позах. Эта комната была миром фантазий Виктора Мохова – здесь жертвы должны были удовлетворять его сексуальные желания. Мы с Леной были маленькими, у нас не было таких форм, как у изображенных на плакатах. Те женщины были сексуальными объектами. Они соблазняли мужчин,

демонстрировали свое желание. Меня же буквально вырвали из детства и швырнули прямо в тайный мир воображения извращенного маньяка. У меня никогда не было эротических фантазий. Я и подумать не могла, что могу стать сексуальным объектом. Теперь же меня окружали изображения женщин, изображения чудовищные и отвратительные. Они делали все происходящее еще хуже – если это вообще было возможно. Когда Виктор швырнул меня на пол, раздвинул мои ноги и яростно вонзил в меня член, я скорчилась от боли. Несколько минут он насиловал меня, а я лежала неподвижно, страшась того, что он сделает потом. Но, кончив, Виктор не захотел ничего больше. Он просто отправил меня назад, в нашу камеру. По ногам у меня текла мерзкая густая жидкость.

Место преступления

Карстэн Графф

После первой встречи с Катей я не сомневался, что буду писать о произошедшем с ней. Чтобы начать работу, я отменил все свои планы на следующий месяц и нашел гостиницу в Рязани. Перед тем как вернуться в Москву, Дэвид познакомил меня с местным прокурором, Дмитрием Плоткиным. Именно он вел следствие по этому делу и арестовывал Виктора Мохова. Как и большинство жителей Рязани, Плоткин почти не говорил по-английски, и я нашел в городе переводчицу, Ольгу, которая стала мне помогать.

После первой же нашей встречи Дмитрий предложил отвезти меня в Скопин и показать место преступления. Мы выехали на машине рано утром. Ольга устроилась на заднем сиденье, чтобы переводить наш разговор. Примерно через час Рязань осталась позади, и мы покатили по русской равнине. Спустя еще час на горизонте показался Скопин. По словам Плоткина, в Скопине проживало около 30 тысяч человек. Когда-то это был процветающий город, куда люди съезжались работать со всей страны: здесь добывали полезные ископаемые. Но в конце 80-х годов шахты закрылись. Сегодня в городе сохранилось несколько фабрик и школ, но социальные проблемы сильно обострились.

Мне Скопин показался городом депрессивным. Мы ехали по пустым улицам. Вдоль них виднелись мрачные неухоженные деревянные дома. Я не

представлял, как в них можно пережить суровую русскую зиму. В Скопине мы остановились у местного отделения полиции, к нам подсели суровые полицейские, и мы поехали дальше по лабиринту грязных улиц. Наконец Плоткин остановил машину перед забором. Через калитку мы вошли во двор. Сад полностью одичал. Дом представлял из себя ветхую деревянную лачугу под растрескавшейся и облезлой красной крышей.

– В этом доме вырос один из самых знаменитых насильников России, – Плоткин говорил, как экскурсовод перед группой туристов.

Пробираясь через сад, я заметил, что все вокруг переломано. Шагая по высокой траве, я чуть не наступил на пару керамических гномов. Мысль о том, что кто-то хотел украсить этот сад гномами, показалась мне абсурдной. Я не понимал, как они здесь оказались. Двери были заперты. Несколько окон не заколотили досками, и мы смогли заглянуть внутрь. Насколько я мог видеть, дом был заброшен. В некоторых комнатах не было ничего, кроме груд мусора.

– Виктор Мохов с рождения жил здесь с матерью, Алисой Валентиновной Борисовой, – сказал Плоткин, пока я фотографировал гномов.

– И его мать жила совсем рядом с гаражом эти несколько лет, не представляя, что там происходит? – спросил я.

– Когда Виктор похитил девушек, Алисе Валентиновне было под восемьдесят. Она почти не выходила из дома. Когда девушек освободили, она сказала, что не представляла, чем занимался сын.

– Ну да, – скептически протянул я. – Она не замечала, что ее сын годами роет подвал под гаражом, а потом на протяжении почти четырех лет каждый день носит туда продукты?

– Она знала, что он роет подвал, – пояснил Плоткин, – но Виктор сказал матери, что это будет погреб для хранения овощей и фруктов на зиму. В суде мы не смогли доказать, что Алиса Валентиновна знала что-либо еще. Мы не могли предъявить ей обвинение.

– И она ни разу не захотела посмотреть, какой погреб обустроил ее сын? И ее никогда не удивляло, что в него нет удобного входа?

– Я же сказал, она редко выходила из дома.

– Возможно, она чувствовала, что с ее сыном что-то неладно, – предположил я, – но терзалась чувством вины за его безумие.

– Может быть, – согласился Дмитрий. – Но мы не смогли доказать, что она хоть как-то была в этом замешана.

Разговаривая, мы подошли к ржавому металлическому люку в стене гаража, почти у самой земли. По фотографиям, которые я видел в сети, я знал, что это вход в подвал. Даже при свете дня ржавый люк выглядел зловеще. Нетрудно было представить, какой ужас испытывали Катя и Лена, когда Виктор загнал их в подземную тюрьму.

– Можно туда войти? – спросил я, опускаясь на колени перед люком.

– Извините, но нет, – ответил Плоткин.

– Почему?

Прокурор протянул мне фонарик.

– Загляните внутрь.

Я с любопытством сунул голову в люк и включил фонарик. Подвал был залит водой. Во влажном воздухе сильно пахло гниением и плесенью.

– Это сделал новый хозяин, – пояснил Плоткин.

– Но зачем?

– Дом приобрел всемирную известность. Сюда стали приезжать со всего света. Чтобы любопытные не лазили в подвал, хозяин затопил его. Он очень агрессивен. Когда кто-нибудь приближается к дому, он приходит в ярость.

– А где же он сейчас?

– Неизвестно. Наверное, где-то поблизости. Поэтому я и захватил с собой полицейских – на случай, если он появится.

– А что еще вы знаете о хозяине дома?

– Ему около шестидесяти, и он был в заключении. С Моховым он познакомился в тюрьме.

– А как же ему достался дом Виктора?

– Когда Мохова отправили в тюрьму, его мать осталась дома, – объяснил Плоткин. – Она с трудом передвигалась, но ей пришлось привыкнуть к тому, что разъяренные соседи закидывают ее дом камнями. Они с сыном постоянно писали друг другу. За несколько лет до ее смерти Виктор прислал к ней своего товарища по заключению, недавно вышедшего из тюрьмы. Тот поселился с его матерью. Он пообещал защищать ее и помогать ухаживать за домом и садом.

– И теперь он хозяин дома?

– Он прожил здесь какое-то время, и у них начался роман. Он перебрался к Алисе Валентиновне в спальню и стал ее любовником.

– И она завещала ему дом?

– Да. Я слышал, что он собирается за пару лет осушить подвал.

– Зачем?

– Говорит, что Виктор будет жить здесь, когда выйдет из тюрьмы.

Перед возвращением в Рязань мы решили пообедать в единственном скопинском ресторане. Выбрав столик, я попросил Ольгу перевести меню. В верхней его части, еще до перечисления блюд и напитков, было написано, сколько придется заплатить за сломанные стулья и разбитые тарелки. Судя по всему, драки в ресторане в этом городке не редкость. И это многое говорило о культуре

Скопина.

Прежде чем кончилось мое детство

Катя Мартынова

В день, когда кончилось мое детство, я была самой обычной избалованной любовью взрослых четырнадцатилетней девочкой. Я росла в небогатой семье, но родители умело использовали все свои возможности, чтобы обеспечить детям счастливое и спокойное детство. Отец и мать были очень разными людьми, но уважали особенности друг друга. Не могу вспомнить, чтобы они когда-нибудь ссорились.

Отец многим интересовался. Он любил читать и учиться. В детстве его познания в истории и географии казались мне безграничными. По мнению отца, у всего было логическое объяснение. Он всегда считал себя атеистом. Учился в техническом училище, потом женился и стал работать на местном заводе. Хотя мама всегда была глубоко верующим человеком, брак с атеистом ее не пугал. Поначалу она работала на транспорте, но после рождения детей устроилась в продуктовый магазин. У меня была старшая сестра, Аня. В детстве у нас были прекрасные отношения, хотя порой мы ссорились – я частенько «заимствовала» ее одежду без разрешения. Серьезных конфликтов в нашей семье никогда не было. Нам нравилось проводить время вместе, особенно на Рождество, Новый год и в дни рождения.

В школе я была самой обычной лентяйкой и домашние задания частенько не делала. Маму это особо не волновало, но у отца был суровый характер. Когда я не делала то, что нам задавали, он строго ругал меня, а порой на несколько дней запирал дома. По характеру я похожа на мою спокойную, терпеливую маму, но и от отца я кое-что унаследовала – его страстную любовь к животным и талант художника. Он всю жизнь делал наброски карандашом. Поскольку папа страстно любил животных, чаще всего он рисовал именно их. По рисункам сразу видно, что больше всего отцу нравились лошади. Я же с детства предпочитала портреты. Мои школьные альбомы полны изображений прекрасных принцесс и сцен из любимых мультфильмов. На четырнадцатилетие отец подарил мне

щенка, маленького пуделя. Я назвала собачку Керри. Керри была моим питомцем, поэтому гуляла с ней ежедневно именно я.

Я с детства знала, что хорошо рисую, но уделяла этому занятию слишком мало времени, чтобы считать рисование своим увлечением. Я была обычным подростком, плывшим по течению и реагировавшим только на сиюминутные импульсы. У мамы были на меня более честолюбивые планы. В первом классе она записала меня в музыкальную школу, и я три года безуспешно пыталась научиться играть на гитаре. Я всегда любила музыку, но после школы мне стало ясно, что музыкантом мне не стать. Когда мама наконец-то рассталась со своей мечтой, я испытала глубокое облегчение. Теперь мне не нужно было ходить на уроки музыки, и новообретенную свободу я высоко ценила.

Каникулы я всегда проводила с семьей. Иногда мы брали дедову машину и отправлялись в походы с палаткой или просто отдыхали на реке. В то время я много читала или просто наслаждалась общением с семьей. Отец играл на гитаре и пел, мама готовила свои фирменные блюда – она замечательно запекала картошку. В моем детстве не было ничего необычного, кроме того, что я вела две жизни, впрочем, как и большинство моих сверстников. Бо?льшую часть года мы жили в городе, но летом родители отправляли нас с сестрой к бабушке в деревню. Мама считала, что нам нужно уезжать на природу. У бабушки мы радовались полной свободе, дышали свежим воздухом, пили парное молоко. Эти поездки были для меня прекрасной возможностью забыть о городской жизни. Днем мы бегали повсюду, купались в пруду и собирали ягоды, а по вечерам жгли костры.

До четырнадцати лет я никогда не влюблялась, даже о мальчишках почти не думала. Но в то лето у бабушки я познакомилась с парнем, который мне по-настоящему понравился. Он был на два года старше меня и приехал из другого города. Как и меня, родители отправили его к его бабушке на природу и свежий воздух. Мы вместе гуляли, катались на велосипедах, ходили в лес. Однажды он даже поцеловал меня в губы. До сих пор помню, как забилось мое сердце от первого поцелуя. Мне было одновременно и приятно, и страшновато, но тот поцелуй вселил в меня настоящую эйфорию. Уезжая от бабушки, я начинала мечтать о следующем лете, когда можно будет снова поехать в деревню и снова встретиться со своей летней любовью.

Хотя до похищения моя жизнь была совершенно обыкновенной, себя я обыкновенной не чувствовала. Мне часто казалось, что у меня множество проблем, что жизнь ко мне несправедлива. Оглядываясь назад, я понимаю, что мои волнения были всего лишь глупостями избалованной девчонки, занятой всяким вздором.

Я миллион раз вспоминала события того дня, когда начался мой ад. Снова и снова анализировала каждую минуту и каждую секунду, но так и не могла понять, почему произошла эта трагедия. Как случилось, что моя жизнь из сущего рая превратилась в фильм ужасов? Как такое могло случиться в одну секунду? Что стало причиной этого?

Да, конечно, я многое могла сделать, чтобы этого не случилось, но я не понимала, что происходит, пока не стало слишком поздно. Все началось 30 сентября 2000 года. Стояло бабье лето. В нашей квартире зазвонил телефон. К несчастью, трубку подняла именно я. Если бы я не слышала того звонка, если бы не сняла наушники, если бы играла во дворе, все сложилось бы иначе. Все было бы хорошо. Но все произошло так, как произошло. Я была дома, услышала звонок, сняла трубку… И в ней прозвучал голос моей судьбы. С этой минуты я и вся наша семья были обречены.

– Аня дома? – прозвучал голос.

– Нет, ее нет, – ответила я.

– Это Лена. Мы с Аней учимся в одном классе.

– Да, я тебя помню.

– Мы с твоей сестрой договорились вечером пойти на праздник, – сказала Лена. – Но она, похоже, обо всем забыла.

– Я не знаю, где она, и не знаю, когда она вернется.

– Жаль… Мне не хочется идти одной.

– А можно я пойду с тобой?

– Да, отлично! – обрадовалась Лена. – Давай встретимся на автобусной остановке в шесть, хорошо?

– Договорились, – ответила я, бросая взгляд на часы.

Было уже полшестого, но если я поспешу, то успею.

В городе праздновали день Веры, Надежды и Любови. Отмечали его многие, но основные события проходили в центре города. Нам нужно было ехать туда на автобусе 20 минут. Впервые в жизни я собиралась на такой праздник. Меня охватило радостное предчувствие. Я вытащила из шкафа свою самую красивую юбку, жакет и новые туфли. Когда я уже собиралась выходить, снова зазвонил телефон – это была Аня. Она сказала, что придет поздно и не знает, успеет ли встретиться с Леной. Я ответила, что пойду вместо нее. Аня этому только обрадовалась.

Повесив трубку, я решила не привлекать к себе особого внимания. Маме я сказала, что иду гулять. Я отлично знала свою мать. Если сказать ей, что я собираюсь на праздник в центр города, она будет волноваться, а то и вовсе меня не пустит. Я рассчитывала вернуться через несколько часов – мама никогда не узнает, где я была.

Около шести мы с Леной встретились на автобусной остановке. Мы немного поболтали, потом пришел автобус, и через полчаса мы уже были в городе. На площади устроили импровизированную дискотеку – спонсором стала компания мобильной связи. В те времена мобильные телефоны в Рязани были редкостью. Они были только у избранных, у самых богатых, но, судя по развешанным повсюду плакатам, ситуация скоро должна была измениться. Мне, четырнадцатилетней девчонке, эта дискотека казалась настоящим чудом. Раньше я бывала только на школьных дискотеках, которые проходили под присмотром раздраженных учителей, пристально следивших за каждым нашим движением. Взрослые строго наблюдали за танцующими школьниками, перекрывая все входы и выходы. Никакого алкоголя и буйного веселья. В городе

же все было по-другому, по-взрослому. Гремела музыка, все танцевали. Теплый сентябрьский вечер идеально подходил для праздника. Площадь заполнилась народом. На открытой сцене выступали разные артисты. Я была счастлива оказаться на таком празднике жизни.

В конце вечера устроили фейерверк. Я посмотрела на часы и пришла в ужас: было уже около десяти. По моему плану я давно должна была быть дома.

– Мама разозлится, – сказала я Лене. – Она не разрешает мне задерживаться после девяти, а до дома добираться не меньше сорока минут. Завтра в школу, и придется подниматься рано утром.

– Хорошо, – кивнула Лена. – Пошли быстрее. Вот только сейчас все начнут расходиться. – Она показала рукой на толпу, двигавшуюся к автобусной остановке. – Может быть, нам лучше отойти подальше от центра и сесть на автобус на другой остановке?

Мы вышли на улицу и зашагали в сторону от центра города. Через несколько кварталов людей стало значительно меньше. Мы увидели следующую остановку: на ней никого не было. До нее оставалось около десяти метров, когда рядом с нами остановилась старая белая машина. Молодой человек на пассажирском сиденье опустил стекло и заговорил с нами низким грубым голосом:

– Привет, девчонки. Далеко ли направляетесь?

– Мы живем за городом, – ответила Лена.

– Садитесь, подвезем.

В 2000 году общественный транспорт в Рязани ходил плохо, и люди часто подвозили друг друга. Лена была на три года старше меня, поэтому я не вмешивалась. Пусть она решит, что нам делать. Лена колебалась. Она смотрела на остановку, но автобуса видно не было. А парень тем временем вышел из машины и направился к нам. Я хорошо его разглядела. Он был худой, невысокий – чуть выше меня, с короткими темными волосами. Почему-то я запомнила, что на нем был синий свитер и черные джинсы. Возраст определить

было трудно, но он явно был значительно старше нас с Леной. Парень из машины вылез, но водитель молча сидел на месте. Сквозь окно я не могла хорошо его разглядеть. Лена немного поболтала с парнем, кивнула и посмотрела на меня.

– Они могут нас подвезти, – сказала она. – Уже поздно, и твои родители, наверное, волнуются. Нам стоит поторопиться.

Решившись, мы сели в машину, и Лена назвала водителю мой адрес. Парень на пассажирском сиденье представился Алексеем, а водителя, по его словам, звали Виктором. Как только мы захлопнули дверцы, машина тронулась. Алексей глянул на нас и сказал:

– Вы такие классные девчонки. Давайте остановимся у магазина, я куплю вам шоколадки.

Нам хотелось побыстрее добраться до дома, но отказываться показалось невежливо, и мы согласились на шоколадки. Пока мы ехали к магазину, Алексей изо всех сил нас развлекал. Он улыбался, рассказывал разные истории, а его вопросы звучали очень доброжелательно и искренне. Казалось, он действительно хочет узнать нас получше. Водитель все время молчал. Он вел себя как таксист. Мы с Леной его почти не замечали. Когда мы остановились у магазина, Алексей вышел и быстро вернулся с двумя шоколадками. Мы принялись за шоколад, а он достал из бардачка бутылку водки и пластиковые стаканчики.

– Ехать с такими красавицами просто счастье, – заявил он. – Давайте выпьем за конец лета.

Он с улыбкой протянул нам наполненные наполовину стаканчики. Лена сделала глоток. Я же до этого пила спиртное лишь раз в жизни, на свадьбе тети. Мы с сестрой тогда улучили момент, когда все отвлеклись на новобрачных, прокрались на кухню и выпили шампанского. Оно оказалось горьким, мне не понравилось, но я все же проглотила немного. Когда Алексей протянул мне стаканчик с водкой, мне не хотелось показаться ему маленькой. И я сделала глоток. Это было так отвратительно, что я закашлялась. Бо?льшая часть водки оказалась на моей юбке. Алексей быстро протянул мне бумажную салфетку и маленькую бутылочку с водой. Я мечтала побыстрее оказаться дома. Доев

шоколадку, я запила ее водой. Когда мы были на полпути к дому, заговорил Виктор. Неожиданно он заявил, что ему нужно срочно позвонить сестре. Сестра велела привезти какие-то документы, а он забыл. Она страшно разозлится, сказал он. Виктор что-то говорил, а у меня закружилась голова. И потом в глазах потемнело…

Жизнь под землей

Катя Мартынова

Говорят, что в ад можно попасть лишь однажды. Если это правда, то мне не стоит бояться его после смерти. Я уже пережила ад на земле. Я четыре года провела в подземной тюрьме Виктора Мохова, не зная, буду ли жить или умру. Я пережила настоящий кошмар, голодала, меня насиловали. Эти годы были ужасными, но самой тяжелой стала первая неделя в заточении. Свыкнуться с происходящим, сохранив рассудок, было почти невозможно. Каждый день мы по многу часов кричали и колотили в стены. Мы теряли голос и падали от изнеможения. По нашим расчетам потолок комнаты находился примерно в трех метрах под землей. Как бы мы ни шумели, наверху этого не было слышно. Крики и грохот не могли помочь нам выбраться. Но если бы мы этого не делали, это означало бы, что мы смирились со своей судьбой. Нам нужно было делать хоть что-то – несмотря на то что мы понимали всю безнадежность своего положения.

После того как Виктор выволок меня в зеленую комнату и изнасиловал в третий раз, он не появлялся в нашей тюрьме несколько дней. Ведро-туалет почти наполнилось. Вонь в нашей крохотной, закупоренной со всех сторон комнатке стала настолько сильной и невыносимой, что мы ощущали ее буквально всей кожей. Но хуже всего было то, что у нас почти кончилась вода. У нас осталось несколько яиц и макароны, но тратить воду на их приготовление мы не могли. Лена предложила поджарить последние яйца в чайнике. Получилось нечто неудобоваримое, но мы съели это. Мы даже начали грызть сухие макароны, чтобы хоть как-то справиться с голодом. Прошло всего пять-шесть дней нашего кошмара, но я уже начала сомневаться, существует ли еще внешний мир. Всего за несколько дней это пространство в несколько кубических метров стало всей моей жизнью, а все остальное казалось далеким и нереальным. И сейчас, если мне нужна свобода, если я хочу уйти из этого места навсегда, мне нужно

заглянуть в себя и окунуться в свое прошлое.

Самые яркие мои воспоминания были связаны с Аней, моей сестрой. В первые недели я так сильно тосковала по ней, что на целые часы погружалась в воспоминания о своем детстве. Раньше многое не казалось мне важным, но теперь каждая мелочь приобрела особое значение. Одним из самых ярких воспоминаний стало лето у бабушки в деревне. Мне тогда было около двенадцати, а Ане – около пятнадцати. Мы с ней залезли в заброшенный сад собрать клубнику. Ягод в саду было очень много, мы объелись и уже собирались уходить, когда Аня увидела, что к нам с громким яростным лаем несется большая черная собака. Я расплакалась от страха, но Аня действовала быстро. С поразительной силой она схватила меня и подняла, чтобы я смогла забраться на дерево. До сих пор удивляюсь, как хрупкой пятнадцатилетней девочке удалось подхватить меня подобным образом. Сама она осталась стоять внизу, и собака могла ее разорвать. К счастью, хозяин собаки отозвал ее, и та не успела напасть на Аню. Все кончилось хорошо, никто не пострадал.

Пока мы с Леной сидели в заточении, я вспоминала и другие добрые поступки сестры, порой значительные, порой нет. Я перебирала их в памяти один за другим, и меня переполняли чувства. Эти воспоминания были неопровержимым доказательством того, что мне посчастливилось иметь сестру, которая любила меня всей душой. Они дарили мне облегчение, но у них была и оборотная сторона. С каждым новым воспоминанием приходили слезы и невыносимая головная боль. Но я все равно возвращалась в минувшее. Мысли о прошлом помогали мне не думать о настоящем и будущем, поэтому приходилось терпеть головные боли. Даже в самые тяжелые моменты я не думала о том, что ожидало меня. Я не могла поверить, что никогда больше не увижу родного дома, не смогу выжить в этих ужасных условиях.

Последующие месяцы стали временем абсолютного отчаяния и сексуального рабства. Когда мы не исполняли его желаний, Виктор нас наказывал. Медленно, но верно моя прежняя, нормальная жизнь отступала все дальше и дальше. Теперь мое существование состояло лишь из ожидания Виктора. Через несколько недель он стал появляться почти каждый день. Сначала он передавал нам еду, потом вытаскивал одну из нас в зеленую комнату и занимался с нами сексом. Мучения и насилие стали почти ежедневными. Мои мысли и чувства постепенно стали адаптироваться к кошмару. С каждым днем наше ужасающее

существование в подземной тюрьме по страшному графику становилось для нас все более и более нормальным. Поначалу мы думали, что Алексей, который помог Виктору заманить нас в ловушку, тоже будет нас насиловать, но вскоре поняли, что он исчез.

Самым страшным в нашем мучителе стало несоответствие первоначального впечатления о нем его сути. При встрече с Виктором мы не могли заподозрить в нем настоящего тирана. Когда они с Алексеем предложили нас подвезти, он казался обычным, слегка неловким дяденькой, который в жизни никого не обидел. Но когда мы узнали его по-настоящему, нам открылся совершенно другой человек. Если он чего-то хотел, то становился совершенно безжалостен и был способен на все ради достижения своей цели. Когда мы исполняли желания Виктора, он иногда вознаграждал нас. Но он постоянно держал нас в состоянии жуткого страха. Мы понимали, что наше выживание целиком и полностью зависит от его прихоти. Иногда он мечтательно улыбался и говорил, что вскоре заменит нас новыми девушками и тогда просто уморит нас голодом. Он даже якобы уже нашел отличное место, чтобы нас похоронить: под большой яблоней в саду.

Мне было трудно понять образ его мыслей. Я не понимала, как он дошел до такого состояния. Виктор не выглядел умным, но он не был и психически больным. Насколько я понимала, он всегда много и тяжело работал. Трудно было представить, как он проводит свободное время; его сложно было вообразить лежащим дома на диване. По обрывкам его слов мы поняли, что он всегда либо работает, либо занимается садом, либо чинит машину. Все время, что мы провели в подвале, я видела нашего мучителя в одной и той же рабочей одежде, которая менялась лишь в зависимости от сезона. Когда становилось холодно, он надевал теплую рубашку, красную куртку и старые, потрепанные брюки. В жаркое время года на нем была футболка и темные легкие брюки с рваными карманами. Приходя насиловать нас, Виктор даже грязных рук никогда не мыл. От него всегда омерзительно пахло по?том и машинным маслом. Казалось, он никогда не устает. В сексе он был ненасытен. Мы редко говорили об этом, но уверена, что в сексуальном плане от меня он хотел не того, чего хотел от Лены. Со мной все было очень монотонно и быстро, в одной и той же позиции. Возможно, мое тело было по-детски хрупким, а может быть, причина была иной. Виктор редко требовал от меня орального секса и почти не заставлял поворачиваться к нему спиной. Иногда от него сильно пахло алкоголем, и в такие дни он становился более требовательным. Лена была лучше развита

физически, и ей приходилось тяжелее. С ней он занимался разнообразным сексом. Порой он вытаскивал в зеленую комнату нас обеих и трахал попеременно. Виктор явно любил выпить, но алкоголиком я бы его не назвала. Его зависимостью был секс. Он жаждал секса с такой страстью, что ради удовлетворения этой потребности был готов разрушить жизни двух невинных юных девушек.

Я часто пыталась хоть как-то примириться с ситуацией, но чаще всего погружалась в воспоминания или боролась со своими страданиями через эскапизм. Эскапизм – это погружение в какое-то занятие, которое помогает забыть о реальности. В обычных обстоятельствах эскапизм критикуют. Но в нашем положении в любом своем виде он помогал справиться и выжить. Моя реальность была настолько безумна, а страдания настолько сильны, что только эскапизм позволял мне сохранить рассудок. Если бы мне не удавалось уноситься из нашей бетонной клетки хотя бы в мечтах, то к моменту освобождения я бы уже давно сошла с ума. Чаще всего я пыталась заглушить боль воспоминаниями о жизни дома, в кругу семьи. Порой мне достаточно было всего лишь закрыть глаза, и в мгновение ока я переносилась в родной дом. Больше всего я любила вспоминать зиму, Новый год в уютном бабушкином доме в деревне. Мы с Аней сидели у теплой печки и смотрели телевизор. Раздавался скрип двери, а потом слышался веселый бабушкин голос:

– Девочки! Я нашла возле курятника пять яиц. Куры совсем обнаглели, прячут яйца для себя, как фашисты! Но я же их кормлю, значит, яйца для нас. Пошли, блинчиков напечем.

Мы с сестрой бежали на кухню. Бабушкины блинчики были нашим любимым лакомством. Я с восторгом смотрела, как бабушка замешивает тесто и печет блины на горячей сковороде. От запаха у меня буквально слюнки текли. В этом чудесном воспоминании бабушка успевала и блинчики печь, и порядок на кухне наводить. А блины прямо со сковороды попадали на наши тарелки. Аня любила есть их с вареньем, а я всегда предпочитала с сиропом. Иногда я погружалась в это воспоминание на несколько часов. Я грезила о бабушкиных блинчиках, о ее теплой, уютной кухне, хотя сама сидела в подземной камере и жевала почти несъедобные яйца. Я целиком погружалась в атмосферу бабушкиного дома. Если бы это было возможно, я с радостью отдала бы жизнь, лишь бы хотя бы на один зимний вечер оказаться в кругу семьи.

Когда я не пыталась бежать от суровой реальности, мое существование было нелегким. Иногда Виктор не показывался два-три дня. Если он забирал нас в зеленую комнату, не принеся сначала еды, мы не знали, когда он сделает это – и сделает ли вообще. Поэтому мы всегда экономили воду, чтобы не умереть от жажды, если он придет и выдаст нам новую порцию еды и воды слишком поздно. Продуктов он всегда приносил очень мало. Нам часто приходилось грызть сухие макароны. Неделя шла за неделей. Мы страшно боялись потерять счет времени. Когда появлялся Виктор, мы каждый раз спрашивали его, какое сегодня число и какой день недели. Через какое-то время он решил дать нам календарь. А потом принес зубные щетки, зубную пасту и маленькую пластмассовую мыльницу с куском мыла.

С самого начала нашего заточения мы строили планы побега. Мысль о том, что когда-нибудь мы обретем свободу, стала настоящим наваждением, но Виктор очень хорошо все продумал, ведь он долго готовился к похищению. Все придуманные нами планы были либо очень рискованными, либо почти невыполнимыми. В одном была задействована принесенная Виктором сковородка. Он редко заходил в нашу камеру, но мы хотели как-нибудь заманить его. А когда он войдет, мы плеснем ему в лицо раскаленным растительным маслом. Тогда он ослепнет, и ему будет так больно, что мы сможем изловчиться и ударить его горячей сковородой по голове. Мы несколько раз готовились к этому, заслышав лязг засовов. Конечно, чтобы раскалить масло, требовалось время, но это могла сделать одна из нас, пока он насилует другую. А потом нужно будет лишь найти способ заставить его войти в нашу камеру. Но каждый раз, когда мы уже были готовы осуществить этот план, все в последнюю минуту откладывалось. Мы с Леной очень исхудали и ослабели от недоедания. Нам не хватало физических упражнений и свежего воздуха. Виктор же был крепким, здоровым мужиком. Вряд ли нам удалось бы ударить его так сильно, чтобы он потерял сознание. А если это не удастся, то он сурово накажет нас – может быть, даже уморит голодом. Тогда мы стали придумывать другой план. Если нам удастся ножом расковырять стену возле люка, рассуждали мы, можно будет просунуть руку и как-то открыть засовы с другой стороны. Но мы обе отлично понимали, что этот план совершенно невыполним. Нам никогда не пробиться через бетонную стену толщиной 40 сантиметров, укрепленную железной арматурой. Часами мы скребли бетон, но сумели лишь оставить на нем царапины.

Иногда Виктор узнавал о наших бесплодных планах побега. Каждый раз он хохотал и говорил, что попытка засчитана. Он отлично знал, что построил свою тюрьму на совесть. Путей к свободе у его сексуальных рабынь не было. Бежать отсюда можно было, только открыв все три люка, да и то мы оказались бы в его собственном саду. Мы месяцами обсуждали разные планы бегства, но в конце концов смирились с кошмарной реальностью своего положения. Если нам суждено обрести свободу, нужно ждать и надеяться, что когда-нибудь Виктор сам совершит ошибку. Узнай мы, что нам придется провести в этом подвале три с половиной года, мы, наверное, сошли бы с ума в тот же миг.

Пропавшие девушки

Карстэн Графф

На следующее утро после похищения родители Кати точно знали, что с девочкой что-то случилось. Еще вечером они обзвонили всех ее подруг, но никто ничего не знал. Анна сказала, что Катя пошла на праздник с Леной, и родители позвонили родителям Лены. Оказалось, что та тоже не вернулась домой. Ночью родители Кати не спали и до рассвета ждали ее возвращения. Рано утром они снова позвонили родителям Лены. Когда выяснилось, что девушки не вернулись, родители решили пойти в милицию. Но милиционеры были уверены, что подростки просто сбежали из дома. В розыск объявляли лишь тех, кто отсутствовал более трех дней. Родителей отправили по домам, посоветовав не паниковать на пустом месте. Девчонки наверняка сами скоро вернутся, сказали им. Катины родители обзвонили всех знакомых и обошли весь город, пытаясь найти хоть какие-то крохи информации о дочери. Всех терзали страх и тревога. Никто не верил, что Катя сбежала из дома. Она никогда не ушла бы, не предупредив заранее. Было ясно, что с ней что-то случилось. Глядя в окно, вся семья надеялась увидеть, как она подходит к дому. Но этим надеждам не суждено было сбыться.

Через три бесконечно долгих дня милиция убедилась, что девушки действительно пропали. Было возбуждено уголовное дело. Началось расследование. Катины друзья и одноклассники были потрясены. Все они знали ужасную историю, случившуюся за год до исчезновения Кати. Тогда одна

девочка возвращалась из музыкальной школы, к ней подошли двое мужчин и затолкали ее в машину. Через несколько дней ее обнаженное тело нашли в канализационном колодце. Девочку изнасиловали и зарезали. Все Катины друзья думали, что с Катей случилось то же самое. Когда история просочилась в прессу, к тем же выводам пришли и журналисты. Никто не знал, что на самом деле произошло, но в газетах каждый день появлялись новые зловещие детали преступления.

Фотографии пропавших девушек были расклеены по всему городу: в магазинах, на заборах и фонарных столбах. Родители и друзья Лены и Кати делали все, что было в их силах. Милиция пока вела розыск на границе, на вокзалах и в аэропортах. Фотографии пропавших девушек постоянно показывали по телевидению, но тщетно. Свидетелей не было, и выяснить ничего не удавалось. Отчаявшиеся родители обратились за помощью к населению. Тысячи людей, которым казалось, что они могут помочь расследованию, звонили в милицию. Были допрошены сотни присутствовавших на празднике, ведь именно там Лену и Катю видели последний раз. Милиция прочесала все бандитские притоны, стройплощадки и места торговли наркотиками. Но никто ничего не знал и не видел. Следствие забуксовало. Казалось, девушки просто бесследно исчезли. С каждым днем надежда найти их живыми таяла. Через несколько месяцев большинство следователей, которые вели это дело, были убеждены, что девушек похитили и переправили в восточноазиатские или ближневосточные бордели. Улик не было, след остывал на глазах, казалось, делу было суждено остаться нераскрытым. Оставались только вера и любовь родных обеих девушек. Горе семей было безмерным.

Мать Кати, Ирина, очень сблизилась с матерью Лены. Они часто встречались и старались утешить друг друга. Женщины не просто искали своих дочерей. Они пытались как-то справиться со своим горем, чтобы не лишиться рассудка в этой чудовищной ситуации. Они вместе молились – часами, днями, неделями. Ирина каждый день повторяла одну и ту же молитву:

Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, благослови, освяти, сохрани чадо мое. Милосердный Боже, Иисусе Христе, молю Тебя, сохрани чадо мое под кровом Твоим Святым от летящей пули, стрелы, ножа, меча, яда, огня, потопа, от смертоносной язвы и от напрасныя смерти. Сохрани ее в Вере, Любви и Надежде на спасение. Даруй ей жизнь…

В отчаянной попытке найти хоть какой-то ответ Ирина отправилась к знаменитому местному ясновидящему. Тот сказал ей, что девушки еще живы и когда-нибудь она о них узнает. Ясновидящий сказал Ирине, что Лене приходится тяжелее, чем Кате. Катя – человек более сильный, она многое вынесет из того, что с ней случилось. Лена же сохранит глубокие душевные шрамы и удалится от мира, чтобы забыть о своем прошлом. Хотя Ирина молила сообщить ей хоть что-нибудь еще, ясновидящий ничего больше сказать не смог.

В первый год после исчезновения любимой дочери отец Кати погрузился в черную депрессию. Пытаясь справиться с душевной болью, он пристрастился к спиртному и стал алкоголиком. Напившись, он ругал Ирину за то, что та была недостаточно строга с дочерью. Он считал, что Катя исчезла из-за недостатка дисциплины. Напряженность в отношениях супругов нарастала. В конце концов Ирина решила подать на развод. После расторжения брака Ирина осталась в квартире со старшей дочерью, а отец Кати съехал.

Со временем Ирине стало все труднее жить в том же доме и в том же районе. Все вокруг: соседи, ее друзья, Катины приятели и одноклассники – напоминали ей о ее потере. Все, кто знал Катю, продолжали искать разгадку тайны ее пропажи. Ирине каждый день приходилось выслушивать сочувственные слова и отвечать на вопросы знакомых. Это продолжалось бесконечно. Ирина начала терять терпение. Ей становилось все труднее справляться со своим несчастьем. Она не могла больше говорить о своей боли, но и лгать не хотела. Когда Ирину спрашивали, как она себя чувствует, ей приходилось говорить правду. Горе ее не слабело, боль оставалась такой же сильной, как и в самом начале. Это была только ее беда. Хотя ей не хотелось перекладывать свою скорбь на плечи других людей, избежать этого было трудно. Ирина изо всех сил старалась держать себя в руках, но со временем стала бояться потерять и другую дочь, Аню. Аня как могла пыталась облегчить состояние матери. Они постоянно находились на связи, чтобы Ирине не приходилось волноваться из-за нее слишком долго.

После исчезновения Кати мир и счастье семьи рухнули в одночасье. Родители жили воспоминаниями о дочери и изо всех сил пытались сохранить надежду на ее возвращение. К несчастью, горе не объединило, а разъединило их. Они стали чужими друг другу. Они не знали, как быть семьей без Кати. Анна тоже отдалилась от родителей, но, в отличие от них, продолжала жить своей жизнью. Она ходила на вечеринки, общалась с друзьями. И все же за три с половиной

года не было ни дня, чтобы она не вспоминала о своей младшей сестренке и не тосковала по ней.

Со временем история двух исчезнувших девушек сошла со страниц газет. Люди забыли об этом происшествии, но боль Катиных близких была так же сильна, как и в день ее похищения. А 30 апреля 2004 года произошло нечто такое, что превратило исчезновение двух девушек из местной истории в мировую сенсацию. Это событие потрясло всю Россию, прогремев до самых отдаленных ее уголков, и привлекло внимание целого мира. В тот день студентка скопинского медицинского училища Алена опоздала на занятия. Она была образцовой студенткой и всегда приходила вовремя. Как обычно, перед занятиями ее ждала подруга и одногруппница Мария. Когда та не появилась, Мария забеспокоилась. Когда подруга все же пришла, она была бледна как смерть. У нее дрожали руки. Мария сразу поняла, что с приятельницей что-то не так, и спросила, что случилось. Алена рассказала, что всю ночь не спала, потому что боялась оставаться в одиночестве. Она снимала комнату в доме рядом с училищем – в доме Виктора Мохова. За все время она почти не общалась с хозяином, но считала его вежливым и приличным человеком. Когда ей была нужна помощь, он всегда ей помогал. До того дня Алена жила спокойно, но вдруг произошло нечто такое, что привело ее в настоящий ужас.

Вкус свободы

Катя Мартынова

Мы провели в заточении более двух месяцев, когда Виктор неожиданно открыл люк, приказал мне обуться и одеться и идти с ним. Естественно, я мечтала покинуть камеру, но что, если он решил разделить нас с Леной? Может быть, он решил убить кого-то из нас? Зная его, я чувствовала, что подобная мысль легко могла прийти ему в голову. Я сразу же насторожилась, но была слишком напугана, чтобы не подчиниться.

Я медленно и осторожно выбралась в зеленую комнату и стала ждать приказов. Тем временем Виктор вытащил что-то из кармана – это оказалась бельевая веревка. Он начал вязать петлю на ней. Меня мгновенно охватил ужас: я ему

надоела, и он собирается меня удавить! Я рухнула на колени и стала умолять его оставить меня в живых. Виктор, нахмурившись, смотрел на меня.

– Протяни руку, – велел он. – Пойдем гулять.

Поняв, что он не будет убивать меня, я чуть в обморок не упала от счастья. Неужели я действительно увижу небо?! Я с готовностью вскочила и протянула ему руку. Прежде чем выбраться из гаража, Виктор надежно связал наши руки. Когда мы выбрались, я поняла, что на дворе ночь. Я подняла глаза и увидела самую прекрасную картину на свете! Никогда не видела такой красоты! Это было самое обычное ночное небо, но его великолепие меня потрясло. Я изумленно вглядывалась в бескрайнюю черноту, поблескивавшую огоньками звезд. Эта картина так меня заворожила, что я не могла пошевелиться. Я стояла неподвижно, всей грудью вдыхая чистый, прохладный осенний воздух и зачарованно глядя на небо. После влажной духоты подвала я наконец могла вдыхать запахи свежей травы и листьев. Я вся дрожала. Меня охватило чувство эйфории. Воздух казался таким густым, что я ощущала его каждой клеточкой тела. Два месяца назад я была обычным подростком и даже не задумывалась о красоте природы. Но безумец лишил меня свободы на два месяца, и это словно пробудило все мои чувства. Неожиданно я ощутила величие и красоту природы, как никогда прежде. Когда я оказалась в этом саду впервые, он был зловещей декорацией ужасного кошмара. Теперь же я видела старые яблони. Запах валявшихся в траве яблок был так силен, что у меня закружилась голова. О разнообразии запахов в нашей камере оставалось только мечтать. На улице высвободились мои чувства. Я ощущала все ароматы осенней природы. Я замечала сотни оттенков запаха: сладкие, сочные, пряные, медовые. Если бы Виктор позволил, я бы всю ночь простояла на одном месте, упиваясь очарованием и величием природы.

– Пошли! – Грубый голос Виктора вернул меня в реальность. – Иди за мной!

Только в этот момент я поняла, что можно позвать на помощь. Но я находилась в саду Виктора, и рядом никого не было. Похоже, ночь была поздней. Прежде чем я успела задуматься, Виктор потянул меня в гараж. Там он развязал меня и захлопнул за мной дверь. Я поняла, что мы находимся прямо над нашей камерой. Стало ясно, насколько хорошо все замаскировано. Виктор толкнул меня на тот же грязный матрас, где насиловал меня в первую ночь. Сам он сел рядом со мной, протянул руку и провел ею по моим волосам.

– Тебе нужно помыться, – сказал он. – Вы с Леной грязные, как сучки. Раздевайся, будем трахаться.

Я разделась, он заставил меня лечь и использовал меня, как обычно. Кончив, он снова отправил меня в отвратительную, вонючую, тесную камеру.

Недели через две Виктор принес нам две большие канистры воды, и мы наконец-то смогли помыться по-настоящему. Из-за недоедания мои некогда длинные и густые волосы посеклись и стали выпадать. Я попросила Лену отрезать их нашим маленьким ножом. Когда мы помылись, наш мучитель выдал каждой по паре простых хлопковых трусиков, розовые футболки и домашние шорты. А еще он забрал грязное постельное белье и дал нам чистое.

Прошло еще несколько месяцев. Дни слились в одну сплошную череду. Наша жизнь стала монотонной и бесцветной. По вечерам Виктор приносил еду – обычно тушенку и макароны. Потом он давал нам воду, насиловал кого-то из нас и исчезал. Он почти не разговаривал. Когда мы задавали вопросы, он чаще всего не отвечал. Когда мы пытались молить о милосердии, он никак не показывал, что наши мольбы хоть как-то на него действуют. Но если мы просили что-то нам принести, он порой прислушивался к нашим просьбам. Только нужно было просить правильно – и правильно оценивать его настроение. Однажды мы попросили принести нам радио. Через несколько дней Виктор появился с кассетным магнитофоном с радиоприемником. Но поймать радиосигнал в шести метрах под землей было нелегко. Мы несколько часов искали место, куда поставить приемник. Наконец нам удалось поймать две станции. Возможность слышать человеческие голоса и музыку стала настоящим чудом. Эти звуки соединяли нас с жизнью на земле. Они воскрешали нас, когда мы совсем падали духом. Со временем Виктор принес нам и другие вещи: щетку для волос, маленькое зеркало, будильник и кое-какие кухонные принадлежности. Развлекались мы игрой в карты и раскладыванием пасьянсов.

Первый наш Новый год под землей прошел мрачно. 31 декабря Виктор швырнул нам килограмм шоколадных конфет и пропал на несколько дней. У нас не было никакой еды, кроме этих конфет, и это было ужасно. Стоило мне взять конфету в рот, как меня мгновенно начинало тошнить. В Новый год меня охватила ужасная тоска. Мне безумно хотелось оказаться в кругу семьи. Душевная боль была

нестерпимой. Я винила себя за страдания, причиненные матери, и от этого мне становилось еще хуже. С поразительной отчетливостью вспоминала прошлое. Когда я погружалась в воспоминания, мне казалось, что я смотрю кино – и одновременно играю главную роль. Весь день я мысленно разыгрывала сцены из прошлой жизни, вспоминала диалоги и сюжеты; порой несколько раз вспоминала одно и то же, а иногда перескакивала в другое время и место. Казалось, что жизнь, которую я вела до похищения, бесследно исчезла, но мне каким-то необъяснимым образом удалось выжить. Теперь мне остались лишь воспоминания, некий фильм, который можно прокручивать в голове, сосредотачиваясь на разных мелочах. Мельчайшие детали прошлого стали настоящим сокровищем. Я нежно лелеяла свои воспоминания, словно дороже их у меня ничего не было. Даже то, что когда-то казалось скучным и раздражающим (например, школа), стало частью бесценной коллекции. Я часто часами вспоминала школу, тосковала по своей парте, где я сидела в окружении одноклассников. Каким дорогим для меня стало воспоминание о спокойном, тихом голосе учительницы географии, рассказывавшей о нашей земле и климате! Когда-то я считала математику жуткой пыткой, теперь же я буквально мечтала о возможности выйти к доске и решить уравнение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/ru/graff_katya/nepobezhdennaya-ty-zabral-moyu-nevinnost-i-svobodu-no-ya-vsegda-byla-sil-nee-tebya

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить